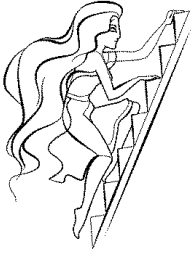
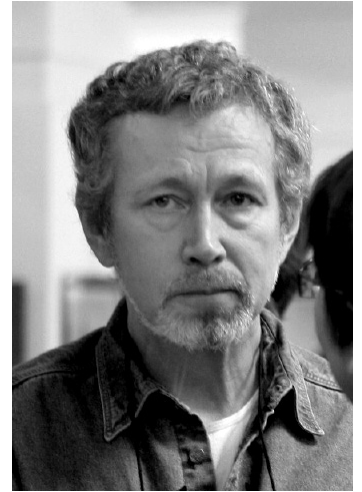

ПОЭЗИЯ

Лев РОДНОВ

* * *

Хватаю прошлое, как ящерку, за хвост,
благословенна будь, наивность! –
и красного заката красный воск,
и грешников игра в невинность.

О, я его поймал, тот миг – любить! –
когда клонились деревья над нами
и ласточки, крича, стремились вить
невидимую нить под небесами.

Нет, все не так, мой друг, произойдет...
За кем погнался я, тот гонится за мною,
и прошлое, как хищник, рвет и пьет
кровь тишины и плоть земную.

На влагу губ осядет медью слов
обиженность и чувств неизреченность.
Не покидай меня, наивность, я готов
для звездочки одной быть небом черным.

* * *

Случайность, тихая случайность
обворожила две души,
но вдруг разлукой увенчалось
искусство чувствующих – жить.

Никто над выдумкой не плачет,
душа душе – давно не власть.
Я просто жив. И это значит:
жизнь, несомненно, удалась!

* * *

В немоте языка, вне движения
безрасчетная робость ждет:
кто ты, вечная моя женщина,
сколько лет еще, сколько дён?

Безглагольная, ты существенна
в предложении с запятой...
Многоточие, как сошествие
от признания – в мир иной.

Жизни зверь в ноябях стремится
шкуркой набело полинять.
Сердце прыгает старой птицей,
взгляда черного не поднять.

* * *

Тобою живущий друг,
швыряющий год за годом,
восходит на новый круг
сближения с антиподом.

Заткни его жадный рот
медлительным поцелуем –
продлит стихотворный род
постели кричащий бубен!

Граница и перебежчик:
как быть, коли скучен мир?
Преступность сердец излечит
от недолюбови флирт.

Встану, замру босым,
тающих лет не убудет...
Хочешь, у нас будет сын?
В нем, бывшие, оба будем!

* * *

В безжизненной провинциальной глубине,
где ил во рту и мхами порастают руки,
нас окрыляет брань и согревает снег,
и возбуждает одномерность скуки.

Не в силах разрешить пространство,
внутри слепоты преобразуем яро
иных земель целебную прекрасность,
иль верим в ненасытность мавра.

Слова шуршат, как шепоток соломы:
в звероподобных снах неотразимы тени!
И сломлен тем, что он никем не сломан
стакана мыслящего гений.

Нет выхода в ином. Найдем друг в друге,
как дети, волшебство самоотдачи...
Зачем нам твердь? На образе и звуке
содержат небеса чтецов прачек.

* * *

Лихой пилот, водитель тела,
детеныш демонов, душа,
благословляет финиш, беглый,
и – воспаряет не спеша.

Круговорот ее в природе
питают грубости земли –
от всех одежд беглец свободен
в неизрекаемой дали.

И мы с тобой, как дух, нагие,
крест-накрест губы положа,
спасенье ищем и погибель –
с душой сливается душа!

В комочек стыд, обняв колени,
свернется – финиши просты:
нам бесконечное паденье
не отличить от высоты.

* * *

Сквозь клочковатый мрак полунакальных ламп
ботинки, крадучись, носками, компасу подобно
стремятся в гавань снов, на пол прихожей.
Не каждый раз теперь хозяин может
свой покидать диван, раскинувшись, как краб,
упершийся в экран не взглядом – костью лобной.

Зачем идти? Чтобы воткнуть в набухший дождь
тупой конец зонта? Не велика морока. Скука,
она, проклятая, подошв прошивку портит!
Смысл есть не в этом житии; и тем он благороден,
что бродит в лености и в логике уступок:
пора прилечь... В ближайшей туче –
ангелы подошв!

Я эти странные слова пишу, чтобы отвлечься,
чтобы любить любить любовь своей любимой.
Дождь слишком затянулся.

* * *

Насладившихся битвою, мучает дух перемирия.
Воспевших убогость, богатство красивых печалит.
Веселому страннику, словно болезнь, остановка.
Влюбленные спят.

Текут изречения в русле не слова, а цифры.
Торгующих страхом никто не изгонит из храмов.
Дракон океана проснулся и брызжет
слюною на сушу.

Влюбленные спят.

Не скальпель, а память плоть времени
надвое делит.

Утративший вкус обладаний утешится
смаком потерь.

Сквозь сито крушений просеяны всхожие зерна.
Влюбленные спят.

* * *

Тело что вопль, наднемотная вежа,
Кратко восстанет под сводами: "Где я?!"
Гулок вопрос, да в ответ ему – тихо...
Тело что призрак. Лишь памяти эхо
Несколько раз отразится, слабея,
В трех-четырёх поколениях крика.

* * *

Наитие стечет в мечту и в мысль,
чтобы родиться в звуке и отлиться в знаке.
Читай! – Поймешь, какого черта сбыл
небесный лавочник земной собаке.

Чу, сторожи чертог да получай
паек души – приваду слов и чувства...
Хозяин спит. А его пес – печать.
На небе пир, когда берут на чай
последний разум у собачек грустных.

Чем отслужить? Да так себе, на чай... –
отдашь лишь душу, чтоб ей было пусто!
в обмен на флаги.

* * *

Осенняя дача, галоши и насморк,
Прокишие листья на солнце странны.
А вот и диван! Не хотите ли на бок,
Лицом отвернувшись от этой страны?!

Прекрасные грезы! Париж и поэзы!
Отчаянный храп, словно крылья, силен...
Осенняя дача. Сентябрьрик болезный:
уснешь – укорочен, очнешься – длиннен.

И руки немывты, и очи не блещут.
Так чем же мы живы, слова говоря?
Окрепнут иллюзии, сделавшись вещью,
Да скрипнет диван: «Зря уходите, зря!»

* * *

Сказочник в сказку не верил,
но, все же, ее рассказал.
И слушатель сказкой измерил
Обманутой жизни вокзал.

Неспешный хрипел репродуктор
о том, что срок жизни – транзит,
что сказка, плакатная сука,
не хочет бесплатно везти.

Накоплена слабость в суставах,
да знак пустоты за плечом...
О сказочно быстрых составах
соври напоследок, внучок!

* * *

На всякий день ума не напасть,
На взгляд и возглас духом не ответить.
Не убежать! Не хватит Палестин...
Что остается? Смерть. И – дети.

Земля покрыта зычным самозванством,
Чарует пришлых и гнетет своих.
В подъезде грязном малолетний гангстер
Судьбу целует, коротая дни.

Кто тянет ближнего, кто тянется за ближним,
Всех горизонтов даже миром не достать.
Завещано: важнее жизни — выжить!
И никому не избежать креста.

* * *

Хранил мой город деревянный
Горизонтальный образ мысли:
Заборы, протяженность луж и ямы,
И проводов волноподобные провисы.

Он слишком плоскостной, как мох,
Казенные скрывавший тайны,
Родивший всякого, кто народиться смог
В живосплетенях городской поляны.

С древесным градом завершился флирт.
Сады снесли. Квартироваться – дали.
Сплошные незнакомцы гонят лифт
В двенадцатиэтажной вертикали.

* * *

Легко сказать: «Любви не существует!» –
Когда она тебя в расчет уж не берет...
Мужланов мощь одна во сне кукует
И женщин красота сама себе уж врет.

Мы образуемся в любовных поединках.
Но непонятный созревает плод:
Ленив рассудок и душа, как льдинка,
И чувств глубины перейдены вброд.

* * *

Границы пали, жизнь сбежала,
В иную даль, в стакан вина.
Всемирной гордости не стало,
А местечковая – смешна.

И флаги есть, да нет победы...
Как нет и канувшей страны.
Лишь покалеченные деды
Имперским пугалам верны.

* * *

Жизнь не рассчитана «на дальность».
Милее всех земных причуд
Сиюминутная глобальность
Неиссякаемых пьянчуг.

Бурлим в пространстве говорливым,
Волнует мебель и базар...
Про город, слизанный приливом,
Как сплетню, диктор рассказал.

* * *

Учеников остаться не должно!
Мудрец идет невидим и неслышим,
Роняет в пыль слов новое зерно, –
Ах, как смешно: кто ж пылью дышит?!

Кто не готов, тому не суждены
Часы судеб без приводов пружинных.
Скопцы небес! Насильно, зажжены
Сердца рабов, их фитилек наивный.

Умри, кумир, без выхода в сие!
Пусть люди пьют, плодятся, говорят,
Взлетают, рушатся, кривляются в белье...
И бога пусть творят.
А не воруют.

* * *

Нет времени прошедшего,
Есть времена идущие,
Нет человека бывшего –
Есть опозданье ждущего.

Нет ничего несвязного.
Но в немоте бессвязности
Слоения тайн показаны –
Чтобы язык жил разностью.

Колонна мыслит формой,
Певцу дано – стремление!
Зачем душа голодная
Клюет зерно сомнения?

* * *

О, память, память! Слои за слоем
Ты безмянной ляжешь в холм,
Лишь будут дети над тобою
Кичиться доблестным стихом, –

Тем, что над мрачною стихией
Овеществленной мечтой
Взлетает с именем: «Мессия!»
И обновляется – «Долой!!!»